

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 21

Сборник научных работ
молодых филологов



TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

- О. Иванова.** Сюжет пропавшей пьесы Цветаевой «Ученик» (1920) 84
- Н. Поселягин.** «Будущее принадлежит сильным и нападающим»: о публицистике В. Г. Яна 1900-х годов 89
- Дж. Ларока.** Очерк Л. Пумпянского «К истории русского классицизма» (размышления об оде Державина «На счастье») 94
- Ф. Винокуров.** Письмо Е. Замятина в редакцию «Литературной газеты»: из комментария 98
- А. Назарова.** Жанровое своеобразие семейной хроники Е. Н. Чирикова «Отчий дом» 106
- А. Поливанов.** Нобелевская премия Пастернака в шведских газетах октября 1958 года: политика и литература 111
- О. Сурикова.** К вопросу о тайной судьбе наследия поэтов Серебряного века в 1960–1980-е годы 117
- О. Орлова.** Смысловые обортоны воды в романе В. Набокова «Ада, или Эротиада: Семейная хроника» 122
- Е. Мищенко.** Диалог поэтических традиций в одном стихотворении Бродского 126
- Лингвистика
- М. Александровская.** *Мифологический концепт*: опыт словарного описания 133
- Л. Боряева.** Коммуникативно-синтаксические стратегии распространения простого предложения в памятниках древнерусского языка XII–XVI вв. 139
- Е. Вилинбахова.** Способы репрезентации стереотипов профессий в русском языке 145
- Р. Гайда.** Новые технологии в обучении иностранному языку 151

- В. Горина, А. Милостивая.** Семантическая компрессия культуронимов в немецком переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как следствие различий национальных менталитетов русских и немцев 157
- М. Дементьева.** Оценочная природа политического дискурса. Прагмема как средство открытой оценочности (на примере прагмем *либеральный, демократический*) 163
- Д. Де Флорио.** Рас-стояние: тире в творчестве М. Цветаевой. Краткий обзор 167
- К. Егорова.** Авторское преобразование фразеологических единиц в поэтическом тексте как проблема художественного перевода (на материале перевода «Поэмы горы» М. И. Цветаевой на чешский и английский языки) 174
- К. Елин.** Исследование эффекта морфологического прайминга на материале русского глагольного словоизменения 180
- И. Зайковская.** «Игра в словарь» как феномен современной публицистики 187
- М. Овсянникова.** Свойства единиц *не кто иной, как и не иначе как* 193
- Л. Орлова.** Опыт анализа лингвистической экспликации гендерных стереотипов (на материале рассказа Тэффи «Предсказатель прошлого») 199
- С. Оскольская.** Свойства конструкции с союзом *кроме как* в русском языке 203
- Н. Серикова.** Игра в Японию: стереотипность образа в прозе современных писателей 209
- И. Смирнова.** Синкретизация значений сложноподчиненных предложений в текстах научного стиля 214

отмечает и Грот, в оде 35-ой Горация из первой книги: в ней царит всевластная Фортуна, поэт поручает ее заботам Цезаря: «*Serves iugum Caesarem in ultimos / orbis Britannos et iuvenum gens / examen Eois timendum / partibus Oceanoque gubro*» [3: 160].

У Державина счастье становится *vox media*, богиней, которая преворачивает человеческие явления с ее капризной переменчивостью. Державинская ода отличается несколько шутливым тоном, в ней сочетаются высокий стиль с формами разговорной и повседневной речи. Источником происхождения т.н. «забавного русского слога» является, по мнению Пумпянского, ода немецкого поэта И. Х. Гюнтера «*An die Gelegenheit*» [4: 10].

Как полагает Пумпянский, первая и вторая строфы являются философскими и в некотором смысле предвосхищают язык «Евгения Онегина». Важная составляющая — это тема социального «упадка» дворянства, к которому принадлежал сам Державин. Хотя екатерининская политика первых лет основывалась на интересах дворянства, однако новые экономические государственные меры сократили большинство исключительных его привилегий [5: 143]. Поэтому так внимательно поэт описывает лихорадочную международную панораму эпохи (строфы V, VI).

В последних стихах ирония Державина усиливается, но его эпический карнавал, как пишет Пумпянский, превращается «в свод морализма» [6: 98]. Оригинальность текста, по словам литературоведа, заключается в том, что высокий стиль в I, II и III строфах сменяется т.н. «средним языком» в V, VI, VII, X строфах, где сатира и карнавал нарушают правила ломоносовской оды.

Таким образом, литературные принципы, разработанные Ломоносовым — разумность и формальное совершенство — были разрушены державинской одой в 1780-х гг. Это был момент, когда при Екатерине II русская литература вошла в новую литературную кризисную фазу и когда произошли изменения стиля и ораторского жанра. Сочетая в своей поэзии высокий одический стиль с формами разговорной и повседневной речи, Державин вносит важнейший вклад в создание русского литературного языка, формирование которого завершится в творчестве Пушкина.

Для понимания подхода Пумпянского и его суждения об оде «На счастье» надо учитывать важную предпосылку, сформулированную литературоведом в начале очерка. По его мнению, при создании истории литературы необходимо рассматривать про-

ОЧЕРК Л. ПУМПЯНСКОГО «К ИСТОРИИ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА» (размышления об оде Державина «На счастье»)

Джузеппина Ларокка
(Пиза)

Незавершенный очерк «К истории русского классицизма» Л. Пумпянского, одного из представителей Невельского кружка, непосредственно соотносится со всей панорамой методологических проблем 1910-х гг. Текст был написан в 1923–1924 гг. и частично впервые опубликован в 1983 г. в литературно-теоретическом сборнике «Контекст»¹. В очерке литературовед уделяет особое внимание анализу поэзии Г. Державина и формулирует свои теоретические положения. Среди проанализированных Пумпянским державинских текстов мы рассмотрим оду «На счастье» (1789).

Ода была написана в Москве, где Державин жил с января по июнь 1789 г., «когда и сам автор был под хмельком»², ожидая суда Сената, из которого он был уволен в 1788 г. по воле сенатора И. Гудовича, одного из фаворитов царицы, губернатора Рязани и Тамбова, генерала и участника русско-турецкой войны [2: 254]. Как пишет Грот в примечаниях к этой оде, еще древние поэты вдохновлялись идеей о счастье: Пиндар и Гораций, а в XVIII в. Ломоносов и Сумароков в переводе оды *A la fortune* Ж. Б. Руссо, затем Кацнист в оде «На счастье» (1792). Но счастье у Державина это — новое божество, которому поклоняются его современники, и потому оно принимает черты императрицы Екатерины II.

Пумпянский подчеркивает, что большое количество державинских од восстанавливает классические клише, в частности, горацянские доминанты. Образ богини Счастья фигурирует, что

¹ Полностью очерк издан в сборнике: Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 30–157.

² Как отмечает Я. Грот, в рукописи 90-х гг. была эта дополнительная фраза [1: 244].

блемы в разных аспектах. Им выделяются четыре типа изучения: философский, социологический, исторический и литературный.

Очерк «К истории русского классицизма» описывает развитие русской литературы с тридцатых годов XVIII в. до первых десятилетий XIX в. и представляет собой попытку теоретически осмыслить основные ее направления. Весь этот период определен литературоведом как «классический». Идея античности как образца, на которую опирается Пумпянский, восходит к концепции «Третьего Возрождения» Ф. Зеллинского, разработанной в статье, посвященной поэзии А. Майкова (1899). Ее автор предполагает, что вслед за романским и германским должно наступить русское (славянское) Возрождение [7: 140]. Для Пумпянского идея Третьего Возрождения неразрывно связана с историко-социальным принципом оценки прошлого, настоящего, будущего России и Европы.

В полном соответствии с «марбургским» духом «Невельского кружка», Пумпянский выделяет специфическую структурную организацию «классицизма», тождественность которой обуславливает общезначимость поэтик, разработанных и примененных в течение истории самого «классицизма». Затем ученый обращается к анализу конкретного поэтического опыта литераторов. В этом процессе, в котором происходит не только (и не столько) стилизация или подражание античным образцам [8: 17, 18], каждое поколение авторов разрабатывает свой абсолютный идеал и вместе с тем непрерывно сравнивает его с парадигмами, разработанными предыдущим поколением. Таким образом, результатом этого процесса становится возвышение идеи гармонии и разумности, всегда обновляемой и всегда устанавливаемой с новым образом «стиля» [6: 35, 54, 56, 58]. Пумпянский рассматривает русскую литературу в ее непрерывном историческом развитии, тесно связанном — и это составляет ее оригинальность — с европейской культурой.

В отличие от работ других исследователей 1910–1920-х гг. (трудов Тынянова, Гукковского и Ходасевича, описывающих стилистические признаки поэзии Державина), в очерке Пумпянского державинская поэтика получает историческое объяснение, а его творчество — безусловное подтверждение новой значимости екатерининских литераторов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 — Сочинения Державина / Примеч. Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1: Стихотворения. Ч. 1; 2 — *Западов В. А.* Гаврила Державин // Словарь русских писателей XVIII века / Под ред. А. Панченко. Т. 1: А–И. Л., 1988; 3 — *Quinto Ottavio Flacco.* Odi ed Eroidi. 35. Вып. 2005; 4 — *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14; 5 — *Carpi G.* Letteratura, ideologia e contraddizioni socioeconomiche in Russia 1825–1861 // Studi Slavistici. IV. 2007; 6 — *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000; 7 — *Зеллинский Ф. Ф.* Античный мир в поэзии А. Н. Майкова // Русский вестник. 1899. № 7; 8 — *Николаев Н. И.* Энциклопедия гипотез // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы.